

Валерий СУЗИ

г.Петрозаводск

НЕОБЫЧНАЯ КНИГА

Эта книга во многом необычна. В предисловии говорится: когда в одном томе публикуют стихи и прозу одного автора, то сначала в качестве лёгкой артиллерии идут стихи, а затем наступает черёд тяжёлой артиллерии – прозы. В этом томе читатель видит чередование стихов и прозы, как принято в толстых журналах. С такой практикой встречаться пока не приходилось! Закрывая последнюю страницу, можно отметить, что эксперимент оказался оправдан и прошёл удачно. Если читать том подряд, то стихи дают отдохнуть глазу от напряжённой прозы; с другой стороны, разбитые на циклы, стихи не рассеивают внимание читателя своим количеством.

Книга открывается циклом стихов под названием «Просто стихи». В нём много четверостиший. Я выделил бы заключительное, поскольку оно даёт представление о других стихах автора: лиричных, лёгких, динамичных, афористичных.

*Ветер дверь мою открыл,
Хлопнул мягко и притих.
Чую шелест тихих крыл,
Слышу шёпот слов простых...*

Чьих тихих крыл легкий шелест слышит автор? Пегаса? Серафима? Скорее, пожалуй, последнего, в русской поэзии нечасто!

За первым стихотворным приступом следует маленькая повесть, которая и дала название всей книге: «Не опали меня, Купина! 1678». Если читателю знакомо имя Василия Костерина, он вспомнит, что у автора есть повесть с похожим названием – «Не опали меня, Купина. 1812». В ней речь идёт о французском офицере, который во время нашей Отечественной войны 1812 года украл из храма образ Не-

опалимой Купины. Через восемнадцать лет он приехал в Россию и вернул икону в храм, рассказав, как образ жёг его нестерпимым огнём. В новой книге автор повествует о чудесном событии, случившемся в семнадцатом веке во времена царя Фёдора Алексеевича, когда по заступничеству Пресвятой Богородицы и Её чудотворного образа царём был помилован невиновный царедворец, который впоследствии воздвиг в Москве храм Неопалимой Купины. В столице имеются три Неопалимовских переулочка. Там недалеко и стоял храм Неопалимой Купины, разрушенный большевиками.

Следующий цикл носит название «Другие стихи». В нём также немало стихотворных миниатюр. И опять не откажу себе в удовольствии процитировать одно небольшое стихотворение.

*Тишина цветёт стыдливо
У тенистого пруда.
Две кувшинки, мостик, ива,
Лебедь белый сиротливо
Уплывает в никуда...
Как же я попал сюда?*

Думаю, что самые оживлённые споры вызовет следующий за «Другими стихами» прозаический цикл – «Жил, жив... Рассказы из жизни памятников». Это краткие повествования о памятниках Ленину. Кстати, именно этот цикл опубликован в № 1 журнала «Север» за 2015 год.

Тема эта в последнее время в связи с массовым сносом памятников стала особенно актуальной. Рассказы очень разные. Одни написаны с тёплым юмором и сочувствием, другие полемически заострены. Автор прямо не высказывает своей точки зре-

ния, он просто ещё раз ставит проблему памятников Ленину, поскольку их количество по всей стране огромно и непропорционально. Один из героев цикла утверждает, что памятников Ленину в десятки (а то и в сотни) раз больше, чем всем остальным русским писателям, поэтам, художникам, композиторам, полководцам, историческим деятелям, учёным вместе взятым. Думаю, что в этих рассказах найдут пищу для размышлений и сторонники, и противники сноса памятников вождю большевиков.

Следующий цикл стихов носит название «Страдальные стихи». Действительно, в нём много стихов, связанных с душевным и духовным кризисом, с житейскими проблемами, с обманутыми надеждами, с драматическими событиями в дружбе и любви. И всё же лейтмотив цикла – вера. Вера в жизнь, вера в любовь, вера в Бога.

*Мосты порушены,
Шарфы закушены,
Околосердие – мягко,
Душа засушена,
И нет отдушины,
И угореть легко.*

Рассказ «Пятый выстрел» опять посвящён полюбившейся автору иконе Неопалимой Купины. На этот раз действие происходит в советское время – в период борьбы против Церкви, икон и иконопочитания. В нём один из героев расстреливает из нагана святую икону. Но не буду пересказывать сюжет. На мой взгляд, это одно из самых интересных и насыщенных произведений в данной книге. Отмечу также, что генетически рассказ связан с повестью рецензируемого автора «Не опали меня, Купина. 1812». Там имеются и общие герои, и сходные ситуации, и даже те же самые иконы.

Последний цикл называется «Стихи запоздалые». Было бы несправедливо оставить его без внимания в краткой рецензии. Это, на мой взгляд, самый совершенный цикл, из которого трудно выбрать одно. И всё же я позволю себе привести следующее стихотворение:

*Вошла – затеплилась лампада,
И кончилось душевное вдовство,
И воссияло душ родство,
И улыбнулось божество,
И больше ничего не надо,
Нет, мне не надо больше ничего –
Она зажглась от взгляда твоего.*

В поэзии Василия Костерина можно найти мотивы из поэзии Тютчева, Есенина, Блока, Пастернака (автор этого и не скрывает, скорее, раскрывает эти имена в своих посвящениях). Вместе с тем во всех стихотворениях слышится авторский голос, свой собственный поэтический голос, за которым различима личность поэта Василия Костерина.

Цикл «Сонечкины рассказы» производит особенно сильное впечатление. С одной стороны, это благочестивое чтение, с другой – прекрасная художественная проза. Не секрет, что благочестивые рассказы привлекают читателя, подкупают его безыскусностью и простотой. Однако они рассчитаны на верующего православного читателя. Мне всегда казалось, что в нашей литературе не хватает благочестивых рассказов, которые написаны для всех, а не только для верующих. Вот этот цикл и нацелен на то, чтобы в свою меру заполнить названную лакуну. Рассказам не откажешь в благочестии, но вместе с тем они дают пример чистой, даже прозрачной, изящной словесности. Трудно назвать лучшее в этом цикле, но я всё же рискнул бы выделить рассказы «Старичок, или Два рассказа в одном» (хотя он, на мой взгляд, длинноват), «Моя собака и маньяк», «Отец», «Фиопы», «Космос и косметика».

Завершается книга переводом рассказа известного болгарского писателя Элина Пелина «Онемевшие колокола». Как говорится в предисловии, этот рассказ включён в книгу, поскольку удивительным образом он сочетается с «Сонечкиными рассказами». И это правда. Данный факт говорит о некоторой общности художественного опыта писателей разных стран и разных поколений.

Прочитав книгу, я заинтересовался фамилией автора. Направившись его происхождения от слова «костёр» (но ведь есть фамилия Костров). Оказалось, что она происходит от слова «костеря», что значит очёски льна, которые остаются при вычёсывании. И тут я вспомнил, что «шукша» – это также очёски льна, только в другом диалекте. Этим замечанием вовсе не хочу сравнивать Василия Шукшина с Василием Костериным. Просто для меня стали неожиданными сами результаты небольшого филологического экскурса.

Надеюсь, данная книга станет своеобразным и заметным явлением как в современной прозе, так и в современной поэзии.

**Василий Костерин.
Не опали меня, Купина! 1678.
М., Паломник. 2015. 432 с.**